

дователи пастыря-бога, учения божия, т. е. «словесные овцы». Несмотря на многочисленные случаи использования этой метафоры-эпитета в произведениях Илариона и Кирилла Туровского, которые придавали эпитету «словесный» исторический оттенок, в целом образ «стадо—пастух—овца» в древней русской литературе сохраняет евангельскую традицию.

Вариант эпитета «словесный» содержится в словосочетаниях «млеко словесное», «брашны словесные». Применение метафорического прилагательного для характеристики таких конкретных предметов, как «млеко» и «брашно», связано со стремлением воспринимать «пищу» как символ христианского учения. Такое восприятие встречается в произведениях многих древнерусских авторов.⁵

Источником всех употреблений этого рода явились тексты Нового Завета. В обширном рассуждении о новообращенных пермянах Епифаний сравнивает пермян с новорожденными младенцами, пьющими «словесное млеко», используя при этом текст Первого послания Петра: «... тем же глаголю вы по апостолу глаголющу: отложите всяку злобу⁶ давних дел ваших и возненавидите всех дел ваших, и возненавидите вся дела лукаваа, совлекшись ветхаго человека, истлевшаго в похотех телесных,⁷ да яко новорождении младенцы словесное и не телесное млеко добродетели возлюбивше пити,⁸ да в нем возрастьше достигнете в разум съвершен, уже не будете акы младенцы зыблющися умом, акы ветром колеблющися бурю треволнения грехов, и не дети бываите умом, но злобою младенствуйте, а умом свершени бываите,⁹ в благое же крепци и тверди и свершени умом бываите, достойно званию ходите, в он же позвани бисте,¹⁰ в съхранение заповеди господень» (стр. 78—79). Цитата с эпитетом «словесное млеко» находится в центре мозаики из новозаветных изречений, которую писатель составил, считая ее одним из наиболее убедительных способов изложения. Тексты, хотя и из различных источников, подобраны по смыслу, поэтому логика рассуждений не нарушается и период производит впечатление законченности.¹¹

В «Плаче пермских людей» Епифаний словами Соломона утешает пермян и убеждает их в том, что успокоиться они смогут лишь приобшившись к истинной вере: «Добре ж и Соломон лечит печаль, велит бо печальнымъ давати пити вино,¹² винограда делателем, не сего упивания делатели, иже пианством упиваются, но вино, сердце веселящее животней-

⁵ У Кирилла Туровского употреблена метафора «млеко учения», в Минее служебной находим «алчущим бессмертное брашно». Встречается этот образ и в литературе более позднего времени. Так, в «Житии» протопопа Аввакума читаем: «... яко же тело альчуще жаеает ясти и жаждуше жаеает пити, тако и душа, отче мой... брашна духовного жаеает». См.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 52, 97—102.

⁶ I посл. Петра, II, 1.

⁷ Посл. Ефесянам, IV, 22.

⁸ I посл. Петра, II, 2.

⁹ I посл. Коринфянам, XIV, 20.

¹⁰ Посл. Ефесянам, IV, 1.

¹¹ Интересно отметить, что в списке Жития Стефана Пермского по рукописи ГИМ, № 91 находим «словесное и неслестное млеко»; в славянских переводах Первого соборного послания апостола Петра стоит также «неслестное»; в списке жития ГПБ, № 862 (собр. Погодина) имеется разночтение — «словесное и не телесное». Можно предположить, что Епифаний в постоянном стремлении приспособлять библейские тексты к нуждам своего произведения пересказал текст послания по-своему, заменив слово «неслестные» на «не телесные», которое больше гармонировало с предыдущим изречением «совлекшись человека ветхаго, истлевшаго в похотех телесных» и помогало создать сочетание из однокоренных слов. Переписчик же мог заменить незнакомое выражение «не телесное» привычным «неслестное».

¹² Притчи Соломона, XXXI, 6.